

На правах рукописи

АНДРЕЕВ НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ

**АФРИКАНСКАЯ МИГРАЦИЯ В КНР
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва

2024

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт Африки Российской академии наук.

Научный руководитель	Дейч Татьяна Лазаревна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт Африки Российской академии наук
Официальные оппоненты	Гавристова Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова» Ставров Иван Валерьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
Ведущая организация	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита диссертации состоится «___» _____ 2024 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета 24.1.033.02 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт Африки Российской академии наук по адресу: 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБУН Институт Африки Российской академии наук по адресу: 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, <https://www.inafran.ru/>.

Автореферат разослан «___» _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета, к.и.н.

Грибанова
Валентина Валерьевна

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что важнейшей характеристикой современного глобального мира стали миграции значительного числа жителей развивающихся стран в страны развитые. В таких переселениях заинтересованы как сами мигранты, так и принимающие их государства: первые получают возможность существенно повысить свой уровень жизни, а вторые – закрыть те сегменты рынка труда, которые не представляют интереса для собственных граждан. Помимо такой мотивации, развитые страны впускают мигрантов и для того, чтобы усилить свое влияние на страны, откуда те прибывают. Это влияние может быть как экономическим, так и политическим.

Однако несмотря на выгоды миграции для самих мигрантов и для принимающих их стран, этот процесс имеет и обратную сторону. Во взаимоотношениях между мигрантами и принимающими обществами возникает напряженность, вызванная несколькими причинами. Сказываются социокультурные – а, следовательно, и поведенческие – отличия коренных жителей от новоприбывших. Принимающим обществам как гораздо более развитым и сложно организованным присущи жесткая дисциплина и неприменный самоконтроль любых индивидуальных и коллективных поступков, высокий уровень правосознания (если не подлинного, то имитируемого), а также приверженность ценностям модернизации и, прежде всего, – незыблемости индивидуального пространства личности. Мигранты, как правило, изначально, еще до приезда в страну своего нового пребывания, в гораздо меньшей степени, нежели ее граждане, укоренены в модернизационной реальности. Попадая в инокультурное и иноязычное окружение, они оказываются вынуждены сохранять и укреплять связи друг с другом с помощью практик, аналогичных тем, которые присущи преимущественно традиционным и криминальным сообществам, поскольку подобные практики позволяют оперативно и эффективно защищать их интересы. У автохтонных

граждан вызывает недовольство и приверженность мигрантов к более раскрепощенным формам поведения, диссонирующим с нормами поведения в развитых государствах.

Коренное население расценивает подобную социализацию и публично демонстрируемую непосредственность как вызовы. Проблема усугубляется и вследствие неизбежно возникающего в принимающих странах напряжения между большинством граждан (их задевает поведение иностранцев) и элитами, заинтересованными в сохранении в стране мигрантов из-за выгоды их труда, а также из геоэкономических или геополитических соображений. Местные жители в массе своей в повседневных практиках, индивидуальных и групповых жизненных стратегиях не ощущают выгоды от труда мигрантов, они также далеки от доводов геоэкономики или геополитики. В действиях властей по привлечению мигрантов они усматривают лоббизм, идущий вразрез с интересами коренного большинства. На этом фоне растет популярность радикальной антииммигрантской риторики, что отражается на электоральных предпочтениях избирателей.

Указанные негативные проявления миграции далеко не везде одинаковы. При культурной близости переселяющихся и принимающего общества (как, например, в случае с мигрантами из европейской части постсоветского пространства и восточными европейцами, а также когда сами восточные европейцы переезжают в Центральную и Западную Европу или Северную Америку) трения между ними возникают главным образом на экономической почве. По мере усиления социокультурных различий «доноров» и «реципиентов» именно этот фактор становится наиболее дестабилизирующим и тяжело поддающимся купированию, несмотря на очевидную экономическую выгоду труда мигрантов.

Таким образом, тема исследования, связанная с деятельностью и адаптацией в Китае африканских мигрантов, актуальна по нескольким причинам. Во-первых, КНР является высокоразвитым государством, но достигшим такого положения в результате реализации собственной –

незападной – модели модернизации, в значительной мере апеллирующей к традиционным китайским ценностям и социокультурным нормам. Во-вторых, как успешная модернизированная страна Китай является привлекательным местом для миграции из развивающихся африканских стран. В-третьих, экономическая рентабельность африканского предпринимательства в КНР в конце XX – начале XXI в. явилась результатом особенностей глобализации китайской экономики (превращения страны в «мировую фабрику», в том числе контрафактной продукции). В-четвертых, между африканскими иммигрантами и гражданами КНР возникают во многом такие же противоречия, какие имеют место между выходцами из развивающихся государств и жителями стран коллективного Запада. В данном случае особенность Китая не стала фактором, облегчившим адаптацию переселенцев с Африканского континента и позволившим избежать трений между ними и гражданами КНР. В-пятых, несмотря на это, в Китае постепенно аккумулируется и собственный уникальный опыт адаптации культурно далеких африканских мигрантов.

Научная проблема исследования заключается в том, что и граждане Китая, и проживающие в КНР африканские мигранты обладают в значительной мере традиционной социальностью. Из обоих субъектов более вестернизированным оказывается именно сообщество африканцев в силу его укоренения в колониальной европейской культуре, что объясняет их в целом успешное встраивание в глобальные торговые цепочки, связанные с Китаем. В настоящем исследовании предпринята попытка представить динамическую картину становления и развития африканского предпринимательства в КНР, восприятия его государственными структурами и обществом Китая, а также объяснить особенности протекания данных процессов.

Объект исследования – африканская миграция в КНР в конце XX – начале XXI в. и ее восприятие в этой стране.

Предметом исследования является сообщество африканских мигрантов в КНР в конце XX – начале XXI в. в его взаимоотношениях с местными властями и гражданами Китая.

Хронологические рамки работы соответствуют периоду, верхняя граница которого – появление в КНР первых студентов из Африки в конце 1950-х гг., а нижняя – 2020–2021 гг., когда в связи с пандемией COVID-19 в Китае были введены ограничения для иностранцев, осложнившие жизнедеятельность африканского сообщества. Этому периоду посвящено основное содержание работы. Для обоснования его цельности история присутствия африканцев в Китае прослеживается на более продолжительном промежутке времени – с древнейших времен и до образования КНР, – в течение которого их попадание в страну оказывалось спорадическим.

Территориальные рамки исследования определяются его объектом и предметом, они связаны с изучаемым сообществом африканских мигрантов и с городом Гуанчжоу как центром пребывания переселенцев с Африканского континента.

Целью исследования является изучение эволюции сообщества африканских мигрантов в КНР в конце XX – начале XXI в. и отношения к нему местных властей и населения.

Для достижения этой цели предполагается выполнить следующие **задачи**:

– систематизировать имеющиеся на сегодняшний день сведения о пребывании африканцев в Китае с древности и до начала фундаментальных комплексных реформ в контексте провозглашения в 1978 г. «политики реформ и открытости», исследовать следующий этап африканской миграции в Китай с 1978 г. до начала 2020-х гг.;

– рассмотреть миграционное законодательство Китая с середины XX в. и до начала 2020-х гг., показать логику его развития, рассмотреть содержащиеся в нем оценочные установки в отношении постоянно проживающих в КНР иностранцев;

– проследить процесс складывания африканского анклава в Гуанчжоу, оценить его этнический состав, механизмы и способы самоорганизации общин этого анклава, взаимоотношения между ними, а также сферы занятости переселенцев;

– изучить структуры африканского бизнес-сообщества Гуанчжоу, принципы его функционирования и воспроизводства, взаимосвязи со странами прибытия, динамику предпринимательской активности, причины нарастания в нем кризисных явлений;

– проанализировать практически малозаметное в публичной сфере отношение граждан КНР к африканским переселенцам, систематизировать содержащиеся в китайских блогосфере и социальных сетях оценки мигрантов из Африки, представить опыт государственных и негосударственных инициатив их поддержки.

Научная гипотеза исследования. Взаимное соотношение предпринимательской заинтересованности переселенцев с Африканского континента и готовности властей КНР извлекать из нее выгоду как непосредственно в своей стране, так и с помощью ответного встраивания в деловую активность в Африке привело к тому, что мигранты смогли создать в Китае успешно функционирующий бизнес. Этот бизнес стал испытывать трудности после структурных изменений в экономике КНР, корректировки приоритетов миграционной политики страны и ограничений, вызванных пандемией COVID-19.

Методологическую основу диссертации составляет принцип историзма. Африканская миграция и реакция на нее властей и общества Китая изучаются со времени появления в КНР этих переселенцев с учетом конкретно-исторических условий. При работе над диссертацией использованы методы исторических наук. Разделение текста на главы и параграфы осуществлено в соответствии с проблемно-хронологическим методом. Поэтому составные части диссертации посвящены определенным аспектам миграции и действий официальных структур и общества Китая. Применен также историко-сравнительный метод: при анализе традиций деловой активности и семейного бизнеса африканцев учитывается их традиционный опыт, а при рассмотрении политики в отношении этнических локаций в Гуанчжоу принимаются в расчет китайские традиции управления инокультурными элементами. При подготовке

исследования применялся историко-типологический метод для изучения восприятия китайцами африканских мигрантов, а также при оценке изменений, произошедших в подходах к этническим сообществам в государственных учреждениях Китая в последние годы.

Источниковая база диссертации. При написании диссертации использованы разнообразные источники, которые можно систематизировать по следующим группам: законодательные акты и нормативные документы КНР, современная китайская публицистика, документы личного происхождения – интервью африканских мигрантов (опубликованные в работах современных зарубежных исследователей) и материалы китайской блогосферы и социальных сетей.

Использованные законодательные акты и нормативные документы КНР относятся к регулированию миграционного процесса. Это, в частности, «Временные правила въезда, выезда и проживания иностранных граждан» 1951 г., «Положение об управлении въездом, выездом, транзитом, проживанием и поездками иностранцев» в редакциях 1964 г. и 2013 г., Закон о гражданстве 1980 г., «Положение о паспортах и визах Китайской Народной Республики» 1980 г., «Временное положение о привлечении иностранных талантов» 1983 г., Закон о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев в редакциях 1985 г. и 2012 г., «Правила исполнения Закона о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев» 1986 г., «Положения об управлении трудоустройством иностранцев в Китае» 1996 г., «Программа разработки и создания системы подготовки национальных кадров на 2002–2005 годы» 2002 г., «Положение о получении вида на постоянное жительство иностранцев» 2004 г., «Отчет о работе правительства за 2007 год», «План тысячи талантов» 2008 г., «Меры по обращению с иностранцами, постоянно проживающими в Китае» 2012 г., «Заключение об усилении администрирования услуг для постоянно проживающих иностранцев и их обслуживании» 2016 г., «Уведомление по вопросам, касающимся разрешения на работу в Китае выдающимся выпускникам иностранных вузов» 2017 г. Они размещены на

официальных государственных сетевых ресурсах КНР и дают представление о том, как менялось законодательство, что собой представляет сегодняшняя (с прихода к власти Си Цзиньпина в 2012 г.) миграционная политика КНР, каковы приоритеты по приглашению в страну иностранцев, насколько сопоставимы в правовом отношении национальные меньшинства КНР и мигранты.

Публицистические источники разнообразны. В основном это материалы китайской периодики, в которых рассматриваются проблемы адаптации африканских мигрантов и их восприятия местным населением. Очевидна оценочная гомогенность этих материалов: в них последовательно проводится официальная китайская точка зрения, сводящаяся к тому, что страна расположена к приему мигрантов из государств Африки, создает для них все условия для работы и бизнеса, но, вместе с тем, рассчитывает на правовую лояльность и дисциплинированность. В публицистических материалах косвенно поднимается проблема расовых противоречий между гражданами КНР и приехавшими африканцами. Она, как правило, обозначается как находящаяся в процессе успешного разрешения. Естественно, в силу цензурного контроля в Китае издаваемые и распространяемые в стране публицистические материалы дают приукрашенную картину жизни африканских мигрантов. Но, вместе с тем, такие материалы предельно четко обозначают официальную позицию руководства КНР по этому вопросу – не допускать расового противостояния, создавать впечатление благополучной адаптации приехавших из африканских стран бизнесменов, представлять их работу в местах компактного проживания как взаимовыгодную и для государств, откуда они прибыли, и для Китая.

Документы личного происхождения представлены материалами интервью мигрантов африканского происхождения, которые у них брали западные исследователи. В этой группе источников преобладает противоположный официальной точке зрения взгляд. Общий настрой, транслируемый в интервью, сводится к описанию трудностей адаптации приехавших из Африки переселенцев из-за жесткого визового законодательства

и строгих правил натурализации, по причине негативного отношения к приехавшим со стороны местного населения. Безусловно, данные интервью представляют субъективную картину, но именно такая субъективность является наиболее оптимальным маркером социально-психологического состояния мигрантов. Интервью разнятся по своему объему (от отдельных высказываний до целых «историй жизни» – в последнем случае как успешных, так и неуспешных), по охвату представляемых в них проблем (от концентрации на отдельных частных вопросах до ответов на целую линейку анкетных пунктов). К этой же группе источников личного происхождения следует отнести воспоминания Джона Эммануэля Хеви «Африканский студент в Китае», вышедшие в 1966 г. Лондоне. Автор – гражданин Ганы, приехавший в КНР в начале 1960-х гг. и оставивший негативные в отношении Китая мемуары о годах своей учебы в этой стране.

Материалы китайской блогосферы и социальных сетей позволяют реконструировать те настроения, которые бытуют среди граждан КНР в отношении мигрантов из Африки. В ситуации режимности китайского общества и контроля за публично высказываемыми суждениями сетевое пространство становится фактически единственной площадкой свободных и неподконтрольных властям мнений пользователей, выступающих под псевдонимами. Эти источники показывают преимущественно негативное отношение китайцев к мигрантам, которых резко критикуют за вызывающее поведение, не соответствующее нормам местной этики и многовековым традициям китайского общества. В таких сетевых ресурсах ощущаются даже панические настроения пользователей, опасаящихся, что приток мигрантов из Африки существенно деформирует социокультурное пространство городов, в которых оседают новоприбывшие. Непропорционально меньшую часть мнений составляют суждения, в которых содержится позитив в отношении мигрантов. Такой позитив проявляется в участливом отношении к ним и стремлении содействовать их адаптации в чуждом для них обществе.

Степень научной разработанности темы. Положение африканских мигрантов в современном Китае – тема сравнительно новая как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Между тем уже сложился круг исследователей, которые ее изучают.

В российской историографии данной темой занимается Т.Л. Дейч¹. Автор анализирует причины этой миграции и ее динамику, обозначает основные локации сосредоточения выходцев из Африки, разбирает стратификацию внутри сообщества африканских мигрантов (имущественную и социокультурную), специфику занятости этого контингента. Исследовательница уделяет внимание проблемам адаптации переселенцев и особенно возникающим на этой почве сложностям – формально-правовым и связанным с глубинными различиями в индивидуальной и общественной идентичностях африканцев (уроженцев как Центральной и Южной Африки, так и арабской «северной трети» континента) и китайцев.

Из других российских авторов данной темой занимаются Т.М. Гавристова², А.А. Забелла³, Р.А. Балданова⁴. Российских авторов также привлекает тематика миграционной политики КНР, которая непосредственно

---

¹ *Дейч Т.Л.* Африканцы в Китае: проблемы миграции // Африканская миграция в контексте современных международных отношений: сборник статей / Отв. ред. Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясов. М., 2015. С. 108–121; *Дейч Т.Л., Усов В.А.* Азиатские африканцы: как им живется в Китае и Индии? // Азия и Африка сегодня. 2016. № 3 (704). С. 33–40; *Дейч Т.Л.* Китай и африканская молодежь // Молодежь в политической и социокультурной жизни Африки. М., 2019. С. 253–259; *Дейч Т.Л.* Африканские мигранты в Китае в условиях коронавируса // Африка в глобальном миграционном потоке: история и современность: сборник тезисов и докладов. Москва, 23 сентября 2020 г. М., 2020. С. 9–10; *Дейч Т.Л.* Африканская диаспора в Китае // Африка в глобальных миграционных потоках: история и современность: коллективная монография / Отв. ред. С.В. Костелянец. М., 2022. С. 262–270.

² *Гавристова Т.М.* «Черные дьяволы» на студенческой скамье // Азия и Африка сегодня. 1997. № 10. С. 13–19.

³ *Забелла А.А.* Африканцы в Китае и их влияние на развитие китайско-африканских отношений // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2019. Т. 11. № 1. С. 65–75.

⁴ *Балданова Р.А.* Миграция из Африки в Китай (на примере провинции Гуандун, г. Гуанчжоу) // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность – VII: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Серия 8. Улан-Удэ, 2014. С. 70–74; *Балданова Р.А.* Китайская африканофобия // Политика и общество. 2017. № 4. С. 31–38; *Балданова Р.А.* Основные тенденции современной иммиграционной политики Китая // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 20–28.

связана с вопросами адаптации африканских мигрантов в Китае⁵. В контексте российской историографии имеет смысл рассматривать и работы китайских авторов, изданные в России⁶.

С методологической точки зрения для настоящей работы исключительную ценность представляют труды ряда современных западных ученых.

Так, Б. Андерсон в своем известном труде «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма»⁷ подчеркивает неустойчивость национальной привязки мигрантов. Вместе с тем, автор не может отрицать мощную, хотя и воображаемую, по его мнению, силу «патриотизма». В пространстве этого противоречия, как он считает, и существует любая диаспора мигрантов. И чем менее охотно принимающая страна запускает механизмы интеграции, тем больший соблазн сохранять или конструировать собственную идентичность, отличную от идентичности принимающей стороны, возникает у мигрантов.

Чрезвычайно значимый для настоящей работы вывод о принципиально разных подходах к адаптации мигрантов на Западе и в Китае вытекает из работ ряда других исследователей. Например, Р. Патнэм в статье «*E Pluribus Unum*: разнообразие и сообщество в XXI веке» (2007) напрямую связывает регулирование иммиграции с «воспитанием чувства общего гражданства»⁸.

---

⁵ Вишневский А.Г., Дмитриев Р.В. Глобальные демографические процессы в XX – начале XXI веков // География мирового развития. Вып. 3. М., 2016. С. 197–229; Кулешова Н.С., Балданова Р.А. Особенности регулирования нелегальной миграции в КНР // Русская политология – Russian Political Science. 2017. № 4. С. 80–83.

⁶ Лун Чанхай, Коробеев А.И. Особенности миграционной политики современного Китая // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 77–82; Лян Минь Янь. Правовой статус иностранцев в Китае и России: сравнительный анализ // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4 (55). С. 124–129; Юань Сюнь. Китайский опыт совершенствования миграционной политики: основные этапы и нерешенные проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2018. № 5. С. 131–142.

⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016.

⁸ Putnam R. *E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-First Century* // Scandinavian Political Studies. 2007. Vol. 30. No. 2. P. 164.

Т. ван дер Меер и Й. Толсма в статье «Этническое разнообразие и его влияние на социальную сплоченность» (2014) приходят к выводу, что гетерогенность общества положительно сказывается на межэтнических контактах и, следовательно, на межэтническом доверии⁹. Такой вывод демонстрирует несостоятельность моделей, в той или иной степени функционирующих в Европе и Америке, применительно к Китаю: общество КНР остается неготовым к основательной адаптации мигрантов. Р. Брубейкер в статье «Этничность без групп» (2002) приходит к парадоксальному выводу: он утверждает, что этничность является категорией более широкой, нежели понятие этнической принадлежности¹⁰. Это замечание фактически подтверждает содержащиеся в настоящей работе выводы, что африканские мигранты в Китае представляют собой не только инородный в этническом и культурном отношении субъект, но и общность, существующую в совершенно иной системе основополагающих жизненных координат, не определяемых напрямую национальной принадлежностью.

Непосредственно тема африканских мигрантов в Китае представлена в зарубежной историографии на западных языках. В ее рамках можно выделить исследования африканской диаспоры в Китае, принадлежащие А. Бодомо, а также Ли Чжигану.

А. Бодомо в настоящее время является профессором Венского университета. Несколько лет он преподавал в Университете Гонконга и поэтому хорошо представляет себе данную проблематику, причем применительно не только к этому относительно недавно вошедшему в состав КНР мегаполису, но и в Китае в целом, особенно в местах компактного проживания мигрантов из Африки. Исследователь родился в Гане, благодаря этому он сумел наладить контакты с африканскими диаспорами в местах их распространения в КНР. Важное методологическое замечание А. Бодомо –

---

⁹ *Meer van der T., Tolsma J. Ethnic Diversity and Its Effects on Social Cohesion // Annual Review of Sociology. 2014. Vol. 40. P. 459–478.*

¹⁰ *Brubaker R. Ethnicity without Groups // European Journal of Sociology. 2002. Vol. XLIII. No. 2. P. 186.*

концепция мигрантского сообщества как своего рода моста: переселенцы соединяют страну, откуда они прибыли, с принимающим их социумом¹¹.

Профессор Университета Уханя Ли Чжиган известен в качестве эксперта по урбанистике и социальному пространству города. Он изучает живущих в Гуанчжоу выходцев из Африки в рамках миграционных трендов современного мира. В основе его методологической установки – концепт анклава. Автор рассматривает диаспору африканских мигрантов, проживающих в Гуанчжоу, в качестве динамичного этнического и предпринимательского анклава, состоящего из трех концентрических кругов. В центре находятся ведущие бизнесмены. Их оболочку составляют торговцы более низкого уровня. А третий слой – это смешанное сообщество африканских мигрантов, а также задействованных в их проектах граждан КНР¹².

Доктор философии из Чжэцзянского педагогического университета Сюй Тао занимается социальной адаптацией мигрантов из Африки в Гуанчжоу. По его мнению, адаптация бывает двух видов – индивидуальной (каждый переселенец самостоятельно привыкает к новому месту жительства) и сетевой

---

¹¹ *Bodomo A.* The African Trading Community in Guangzhou: An Emerging Bridge for Africa-China Relations // *The China Quarterly*. 2010. September. Vol. 203. P. 693–707; *Bodomo A.* Africans in China: A Sociocultural Study and Its Implications for Africa-China Relations. Amherst, New York, 2012; *Bodomo A.* Historical and Contemporary Perspectives on Inequalities and Well-Being of Africans in China // *Asian Ethnicity*. 2020. May. Vol. 21. No. 2. P. 1–16; *Bodomo A.* Linguistic Pan-Africanism as a Global Future: Reflections on the Language Question in Africa. Glienicke, 2022; *Bodomo A., Che Dewei, Dong Hongjie.* Calculator Communication in the Markets of Guangzhou and beyond // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2020. June. Vol. 43. No. 4. P. 1–12.

¹² *Li Zhigang, Desheng Xue, Lyons M., Brown A.* The African Enclave of Guangzhou: A Case Study of Xiaobeilu // *Acta Geographica Sinica*. 2008. February. Vol. 63. No. 2. P. 207–218; *Li Zhigang, Desheng Xue, Feng Du, Ying Zhu.* The Local Response of Transnational Social Space under Globalization in Urban China: A Case Study of African Enclave in Guangzhou // *Geographical Research*. 2009. Vol. 28. No. 4. P. 920–932; *Li Zhigang, Ma L., Desheng Xue.* An African Enclave in China: The Making of a New Transnational Urban Space // *Eurasian Geography and Economics*. 2009. November. Vol. 50. No. 6. P. 699–719; *Li Zhigang, Du Feng.* Production of China's New Social Space in the City under "Transnational Entrepreneurialism": A Case Study on African Economic Zone in Guangzhou // *Urban Space Studies*. 2012. Vol. 36. No. 8. P. 25–31.

(сообщество мигрантов помогает новоприбывшим встроиться в китайские реалии и начать работать)¹³.

Сотрудник Чжэцзянского педагогического университета Ма Эньюй изучает сообщество африканских мигрантов в другом городе КНР – Иу, расположенном севернее Гуанчжоу, также неподалеку от побережья, только уже Восточно-Китайского моря. Исследователь рассматривает, как этот город превратился в крупнейшую международную торговую площадку и одно из мест сосредоточения африканских переселенцев¹⁴.

Отдельно изучается складывание образа мигрантов из Африки, преимущественно в Гуанчжоу, оцениваются возможные способы трансформации этого образа для трансляции в общественное мнение КНР именно позитивных характеристик переселенцев¹⁵.

В рамках общей темы пребывания африканских мигрантов в Китае исследуется проблематика, связанная со студентами из государств этого континента, которые обучаются в КНР. Профессор Пекинского университета Ли Аньшань со ссылкой на А. Бодомо вообще полагает, что возникновение африканской диаспоры в КНР в конце XX в. было вызвано тем, что бывшие студенты из Африки не стали возвращаться обратно в свои страны, а осели в

---

¹³ *Xu Tao*. An Analysis on Africans' Social Relations and Interaction Logics in Guangzhou // *Youth Research*. 2009. No. 5. P. 71–86; *Xu Tao*. Re-Analysis of the Relations of Social Contact of African Merchants in Guangzhou // *Journal of Zhejiang Normal University*. 2011. No. 4. P. 10–15; *Xu Tao*. Analysis of Characteristics of the Behavior of African Merchants in Guangzhou // *Journal of Zhejiang Normal University*. 2012. No. 4. P. 55–63.

¹⁴ *Ma Enyu*. Walking into the Yiwu Muslim Community // *China Religion*. 2010. No. 6. P. 56–57; *Ma Enyu*. Yiwu Mode and Sino-African Relations // *Journal of Cambridge Studies*. 2012. Vol. 7. No. 3. P. 93–108; *Bodomo A., Ma G.* From Guangzhou to Yiwu: Emerging Facets of the African Diaspora in China // *International Journal of African Renaissance Studies*. 2010. Vol. 5. No. 2. P. 283–289.

¹⁵ *Li Zhigang, Desheng Xue, Feng Du, Ying Zhu*. The Local Response of Transnational Social Space under Globalization in Urban China: A Case Study of African Enclave in Guangzhou; *Li Zhigang, Ma L., Desheng Xue*. An African Enclave in China: The Making of a New Transnational Urban Space; *Liu Tingting, Deng Zhuoyun*. “They’ve Made Our Blood Ties Black”: On the Burst of Online Racism Towards the African in China’s Social Media // *Critical Arts*. 2020. February. Vol. 34. Issue 2. P. 1–4; *Liu Tingting, Xu Mingliang, Chen Xu*. Social Media, Gendered Anxiety and Disease-Related Misinformation: Discourses in Contemporary China’s Online Anti-African Sentiments // *Asian Journal of Communication*. 2021. November. Vol. 31. Issue 6. P. 485–501.

Китае и начали заниматься бизнесом¹⁶. С конца XX – начала XXI в. китайское руководство принялось системно заниматься привлечением африканской молодежи на учебу в вузы КНР¹⁷.

Целый комплекс проблем поднимается в новой монографии К.Дж. Адамса. В ней рассматриваются психосоциальный опыт мигрантов из Африки, работающих в Китае, и их диаспоры в контексте современных глобальных социально-экономических процессов. Автор анализирует проблемы, с которыми сталкиваются мигранты, пытаясь развиваться и сохранять свою идентичность. К.Дж. Адамс, в данном случае на примере африканских переселенцев в Китае, доказывает, что для психологического благополучия тех, кто живет и работает в непривычных географических и культурных условиях, решающее значение имеют способность к саморефлексии, психологическая устойчивость, а также мощная и разветвленная сеть поддержки¹⁸.

Исследования китайских ученых на китайском языке об африканских сообществах в КНР в основном сосредоточены на четырех проблемах. Во-первых, разбираются применяемые к ним управленческие практики – выясняются их слабые стороны, сложности, возникающие из-за недостаточной информированности китайских властей о предпринимательской деятельности мигрантов, меры по обеспечению прав работающих в Китае иностранцев. Во-вторых, рассматривается географическое распределение африканских диаспор в КНР. В-третьих, изучается сложная тема интеграции переселенцев из Африки в китайское общество: систематизируются сведения о практической деятельности в этом направлении государственных структур и общественных организаций КНР, приводятся конкретные примеры содействия укреплению взаимопонимания и обеспечения бесконфликтного сосуществования

---

¹⁶ *Li Anshan*. African Students in China: Research, Reality, and Reflection // *African Studies Quarterly*. 2018. February. Issue 4. P. 25.

¹⁷ *Li Baoping, Luo Jianbo*. Dissecting Soft Power and Sino-Africa Relations in Education and Exchanges Cooperation // *Forum on China-Africa Cooperation: The Politics of Human Resource Development* / Ed. by Li Anshan, Funeka Yazini April. Pretoria, 2013. P. 28–42.

¹⁸ *Adams C.J.* *Africana Peoples in China: Psychoanalytic Perspectives on Migration Experiences, Identity, and Precarious Employment*. New York, 2019.

африканских мигрантов и местных жителей. В-четвертых, анализируются социальное пространство африканских сообществ в Китае и происходящие в нем изменения, вызванные трансформациями экономики КНР¹⁹.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном подходе к рассмотрению проблемы жизнедеятельности африканских мигрантов в современном Китае, а также в репрезентативных хронологических рамках исследования, охватывающих период в несколько десятилетий. Комплексность исследования заключается в том, что в одной работе рассматриваются различные аспекты существования африканских мигрантов в КНР, предпринимаемых в отношении них действий со стороны китайских властей и реакции на присутствие переселенцев со стороны местного населения. В отечественной и зарубежной историографии имеются работы, посвященные проблемам присутствия в КНР африканских мигрантов. Однако в настоящей диссертации данная тема рассматривается одновременно изнутри самой диаспоры и извне – с позиций официальных структур и граждан Китая. Новизну исследованию придает и то, что при изучении реакции принимающей стороны особое внимание уделяется анализу такого массового источника, как блогосфера и социальные сети. Благодаря этому источнику появляется

---

¹⁹ 周波 [Чжоу Бо]. 非洲人在华管理新模式:广州外国人协调服务办公室 [Новая модель управления африканцами, живущими в Китае: рабочий пункт по координации и обслуживанию иностранцев в Гуанчжоу] // 广西民族大学学报(哲学社会科学版) [Вестник Университета национальностей Гуанси. Философия и общественные науки] / Journal of Guangxi University for Nationalities (Philosophy and Social Science Edition). 2016. No. 4. P. 129–134; 赵聚军,安园园 [Чжао Цзюцзюнь, Ань Юаньюань]. 广州黑人聚居区的形成与族裔居住隔离现象的萌发 [Формирование районов компактного проживания выходцев из Африки в Гуанчжоу и появление феномена их изоляции на расовой почве] // 行政论坛 [Административный форум]. 2017. No. 4 (142). P. 53–59; 林月坚 [Линь Юэцзянь]. 在穗本地居民对中非移民二代的态度调查研究 [Изучение отношения местных жителей Гуанчжоу ко второму поколению иммигрантов китайско-африканского происхождения] // 评价分析 [Оценка и анализ] / Evaluation and Analysis. 2017. Vol. 34. No. 3. P. 47–54; 吕红艳,郭定平 [Лю Хуньянь, Го Динпин]. 排斥性互动:广州非洲人聚集区治理过程考察 [Отталкивающее взаимодействие: исследование процесса управления африканскими районами Гуанчжоу] // 岭南学刊 [Линнаньский академический журнал]. 2020. No. 1. P. 64–85 и др.

возможность реконструировать диапазон действительных настроений китайского общества в отношении африканских мигрантов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Исторический Китай был знаком с выходцами из Африки, но это знакомство являлось спорадическим и происходило в основном в прибрежных районах страны, соприкасавшихся с португальской колонией Макао. Однако количество прибывших из Африки лиц вплоть до начала XX в., то есть до конца имперского периода, было крайне незначительным. Первое массовое появление африканцев в КНР относится ко второй половине XX в., когда в конце 1950-х гг. в страну прибыли студенты из освободившихся от колониальной зависимости стран. Их нахождение в КНР продолжалось до начала культурной революции и оказалось непродуктивным: молодые африканцы попали под жесткий контроль со стороны административных органов вузов, в которых они обучались, и столкнулись с негативным к себе отношением со стороны местного населения. В результате многие из них покинули страну до истечения срока обучения. Вместе с тем руководство КНР, заинтересованное в усилении своего влияния в Африке, в 1970-х гг. снова пригласило оттуда группу молодых людей для получения высшего образования. После провозглашения в 1978 г. в Китае курса на «политику реформ и открытости» такая студенческая миграция превратилась в регулярную, и ее численность стала поступательно нарастать.

2. На протяжении всего периода существования КНР миграционное законодательство этой страны и сопровождающие его правила претерпели несколько трансформаций. Сначала и фактически до смерти Мао Цзэдуна въезд иностранцев в Китай был сильно затруднен. С наступлением эпохи «политики реформ и открытости» стали меняться и миграционные правила. Были облегчены выезд из страны граждан КНР и въезд в нее иностранцев. На волне такой либерализации в Гуанчжоу, Иу и других городах на востоке страны начали возникать анклав африканских переселенцев, занимающихся посреднической торговлей. С конца 2000-х гг. китайское руководство

приступило к реформированию действующего миграционного законодательства и регулированию состава переселенцев. Был взят курс на создание режима наибольшего благоприятствования для профессионалов, в которых нуждается страна. Одновременно заметно усложнились правила въезда в страну малообеспеченных предпринимателей, занимавшихся посреднической торговлей и распространявших дешевую китайскую продукцию в своих странах. Тогда же стали ужесточаться меры в отношении нарушителей миграционных правил, прежде всего «принципа “трех не”» (незаконный въезд, незаконное пребывание и незаконное трудоустройство).

3. Африканская диаспора в КНР стала интенсивно складываться после начала активного экономического проникновения Китая в Африку и вступления страны в ВТО. Основным занятием этой диаспоры явилась посредническая торговля, а города дельты Жемчужной реки превратились в площадки такой деловой активности. Самая крупная из них сложилась в городе Гуанчжоу. Африканская диаспора в нем сформировалась из сообществ граждан нескольких стран. Наиболее значительное по численности сообщество – нигерийское. В истории африканской диаспоры Гуанчжоу выделяются несколько этапов. Сначала, до второй половины 2000-х гг., шло активное формирование африканского бизнеса. Во второй половине 2000-х гг., в связи с подготовкой к Олимпиаде в Пекине в 2008 г. и отказом китайских производителей от выпуска контрафактной продукции, китайское руководство приступило к упорядочению африканского бизнеса в Гуанчжоу, что заметно осложнило функционирование посреднической торговли. С этого времени начался постепенный упадок африканского бизнеса – а значит, и африканского анклава в Гуанчжоу. К состоянию еще большего кризиса его привело создание интернет-площадок мелкорозничной торговли (Alibaba) и пандемия COVID-19.

4. Сообщество африканских мигрантов в Гуанчжоу на протяжении всего периода его существования с конца XX в. и до начала 2020-х гг. испытывало на себе действие двух противоположных тенденций. С одной стороны, создавались национальные (по странам) вертикально организованные бизнес-

сообщества, участники которых образовывали цельные системы, функционировавшие по строго соблюдавшимся правилам и привязанные к определенным городским пространствам Гуанчжоу. Такие системы обеспечивали поставки продукции из КНР в страны прибытия африканских предпринимателей. Налаженное функционирование подобных транснациональных каналов делало их бизнес доходным. С другой стороны, даже на пике своего развития африканская площадка посреднической торговли в Гуанчжоу не превратилась в классическую – наподобие китайских чайнатаунов на Западе. Этого не произошло по двум причинам. Во-первых, из-за сегментации африканского бизнеса в Гуанчжоу по странам прибытия мигрантов и специализации их торговой деятельности. Во-вторых, по причине отсутствия у переселенцев из стран Африканского континента мотивации связывать перспективы с Китаем и восприятия этой страны как промежуточного этапа своего бизнеса.

5. Для китайского общества, остающегося во многих отношениях приверженным традиционным социокультурным установкам, массовый приток африканских мигрантов стал серьезным вызовом. В стране появились и начали усиливаться антиафриканские настроения, которые наиболее явственно обозначились в сетевом пространстве, в котором граждане КНР могут открыто, хотя и анонимно, высказывать свои мысли. Такие настроения противоречат официальной позиции китайского руководства, заинтересованного в усилении своего влияния в африканских странах, а значит – в создании благоприятных условий для африканских переселенцев и недопущении расистских настроений. Подобная установка, впрочем, не исключает усиления режимности в деле контроля за миграцией, в том числе африканской. Еще больше эта режимность возросла вследствие пандемии COVID-19, когда в стране были введены жесткие карантинные ограничения, воспринятые африканцами как проявления недружественных настроений и приведшие к осложнениям на международном уровне. Вместе с тем в КНР действуют как государственные, так и

общественные структуры, которые занимаются оказанием разноплановой помощи африканским мигрантам по их адаптации к жизни в Китае.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные в нем положения и выводы способствуют увеличению объема знаний, относящихся к области всеобщей истории и затрагивающих целый ряд проблем. Во-первых, феномен миграций в современном мире, их исторические корни и направления. Во-вторых, поведение представителей диаспор, структуры их внутреннего управления и способы сохранения собственной идентичности. В-третьих, поведение обществ-реципиентов переселенческих потоков, управление настроениями в них в отношении мигрантов и их диаспор. Результаты настоящего исследования могут быть использованы для изучения других примеров взаимоотношений мигрантов и принимающих сообществ.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности применения ее результатов для планирования и реализации внешней политики Российской Федерации, при выстраивании двусторонних отношений с африканскими странами и КНР. Выявленные автором и введенные им в научный оборот данные источников, а также сделанные в работе выводы могут быть использованы для подготовки учебных пособий, лекционных курсов и практических занятий в высшей школе, для подготовки научных исследований, в том числе по специальностям, имеющим междисциплинарный характер (в частности, по проблемам межкультурной коммуникации, конфликтологии, регионоведения, истории международных отношений, различным аспектам социологии и этнологии), и для культурно-просветительской работы.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Содержание диссертации соответствует паспорту научной специальности 5.6.2 – Всеобщая история ВАК Минобрнауки России, а именно пунктам: 6 «Новейшая история (XX–XXI вв.)», 8 «История цивилизаций, стран, народов, регионов», 9 «Исторические традиции и инновационные преобразования», 16 «Международные отношения. Историческая конфликтология. Становление и

развитие системы цивилизаций», 24 «Историческая демография всеобщей истории», 25 «Историческая география всеобщей истории», 26 «История континентов. Регионы и страны в мировой истории».

Апробация результатов диссертационного исследования представлена в 6 статьях, в том числе в 5 публикациях в журналах, входящих в список ВАК, а также в докладах на конференциях и семинарах Института Африки РАН (в 2023 г. – научный семинар Совета молодых ученых Института Африки РАН, в 2022 г. – XXI Всероссийская Школа молодых африканистов, в 2021 г. – XX Всероссийская Школа молодых африканистов, в 2020 г. – «Новые глобальные и региональные вызовы в Африке»), Московского государственного лингвистического университета «Инязовские чтения – 2021» (в 2021 г.), Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Научные исследования современных проблем развития России: тенденции развития в условиях неопределенности» (в 2023 г.). Кроме того, в журнале «Азия и Африка сегодня» опубликована статья автора «Африканская диаспора в Китае: меняющаяся идентичность в меняющемся мире», в журнале «Вопросы истории» – «Мигрантский дискурс в современной гуманитарной мысли как методологический подход исторического исследования», в журнале «Вестник Московского университета. Серия 8. История» – «Восприятие африканских мигрантов в китайских блогах на фоне пандемии коронавируса», «Образы африканских мигрантов в современных китайских социальных сетях», в журнале «Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви» – «Иммиграционная политика КНР в прошлом и настоящем (обзор современной китайской историографии)». Диссертация подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

II. Основное содержание работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

Во **введении** приводится обоснование актуальности исследования, обозначаются объект и предмет работы, указываются ее цель и задачи, излагается методологическая основа диссертации, характеризуются ее источниковая база и степень научной проработанности темы, фиксируется научная новизна проделанной работы, представляются основные положения, выносимые на защиту, отмечается теоретическая и практическая значимость диссертации, даются сведения об апробации исследования.

В **первой главе «Африканцы в Китае с древнейших времен до начала 2020-х годов»** рассматриваются основные проблемы истории пребывания африканцев на территории Китая со второй половины I тыс. до н.э. до времени после завершения пандемии COVID-19.

Первый параграф «Сведения об африканцах на территории Китая с древности до эпохи империи Цин» содержит изложение известных на сегодняшний день фактов, касающихся присутствия выходцев с Африканского континента в Китае в различные эпохи истории этой страны до начала XX в. Данные о пребывании африканцев в древнем и средневековом Китае фрагментарны. Археологические и письменные свидетельства позволяют утверждать, что в эти эпохи в Китае присутствовали немногочисленные группы иностранцев, главным образом привезенных в страну рабов и других категорий населения, которые антропологически имели сходство с африканцами. Вместе с тем во многих случаях эти антропологические характеристики относятся и к представителям Океании. Более надежные факты присутствия африканцев в Китае относятся к эпохе раннего Нового времени. С основанием португальской колонии Макао в ней появились африканцы, привезенные в качестве рабов. В обществе Макао они выполняли разные функции – от домашней прислуги до воинов, сражавшихся с внешними врагами колонии, а также участвовавших в войсковых соединениях китайских правителей. К началу XIX в., с закатом португальской морской империи, численность африканцев в Макао и в Китае в

целом стала сокращаться, и к началу XX в. они практически отсутствовали в империи Цин.

Во втором параграфе «Африканское студенчество в КНР в конце 1950-х – 1990-х годах» рассматриваются этапы первой африканской миграции в КНР, которую составляли молодые люди, приезжавшие в Китай для получения высшего образования. Первый этап относится ко второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. Китай, заинтересованный в усилении своего влияния в освободившихся от колониальной зависимости странах Африки, пригласил на учебу выходцев из нескольких стран этого континента. Однако идеологический контроль со стороны партийно-государственных структур КНР, недоброжелательное отношение к африканцам со стороны местных жителей и низкий уровень жизнеобеспечения прибывших иностранных студентов привели к их оттоку в свои страны, а начавшаяся культурная революция в принципе ввергла образовательную систему страны в состояние кризиса. Вторым этапом появления африканской молодежи для учебы в вузах КНР имел место в начале 1970-х гг., когда Китай, заинтересованный в строительстве железной дороги между Танзанией и Замбией, стал готовить у себя местные кадры для реализации этого проекта. Третий этап появления в КНР африканских студентов относится к периоду «политики реформ и открытости» после 1978 г. До конца XX в. их численность росла, они являлись главным контингентом африканских мигрантов.

Третий параграф «Миграционное законодательство КНР и проблемы выходцев из Африки» посвящен законодательной базе пребывания в стране иностранцев. Миграционное законодательство стало формироваться после начала «политики реформ и открытости». КНР, осуществлявшая масштабные экономические реформы, была заинтересована в упрощении визовых правил. Начиная с 1980-х гг. регулирование выезда из страны и въезда в нее стало упрощаться. Это сделало возможным массовую миграцию в Китай, в том числе из африканских стран, и создало условия для ее легитимной трудовой деятельности. Власти Китая даже допустили получение китайского

гражданства детьми, рожденными в браках между гражданами КНР и иностранцами. Была разработана разветвленная система виз, которые предназначались для разных категорий въезжавших в страну мигрантов. Постепенно китайские власти стали создавать режим наибольшего благоприятствования для въезда высокопрофессиональных мигрантов, к которым не относились большинство африканцев. Перед Олимпиадой 2008 г. в Пекине стали усиливаться преследования нарушителей визовых норм, к которым также относилось большое число представителей африканских предпринимателей, занимавшихся мелкооптовой торговлей. Из-за этих изменений в визовой политике начался отток африканских мигрантов из КНР.

В четвертом параграфе «Пандемия COVID-19 и ограничения для африканцев» разбираются примеры нарушения прав африканских мигрантов в КНР в 2020–2021 гг., мотивированные эпидемиологической ситуацией в стране. Выходцев с Африканского континента в местах их компактного проживания, прежде всего в г. Гуанчжоу, стали неоправданно обязывать сдавать тесты и уходить на карантин даже при отсутствии для этого медицинских показаний. Ситуация для африканцев осложнилась тем, что хозяева их съемного жилья, а также работники гостиниц начали отказывать мигрантам в услугах. Такие ограничения привели к тому, что руководящие органы ряда африканских стран обратились к властям КНР с тем, чтобы те нормализовали обстановку и предотвращали факты дискриминационного отношения к их гражданам. Параллельно с ограничениями, мотивированными медицинскими требованиями, более жестким стало преследование нарушителей визового законодательства, которых в обстановке пандемии оказалось значительно больше вследствие закрытия границ и изменений в работе органов, выдающих разрешения на въезд в КНР. Последствием указанных пандемийных ограничений явился отъезд из Китая значительного числа прежде проживавших в нем африканских предпринимателей, особенно мелкооптовых, которые были наиболее уязвимыми из-за своего материального положения.

Во второй главе **«Африканская торговая площадка в Гуанчжоу: экономическое и социокультурное пространства»** анализируется специфика складывания и функционирования африканского бизнес-сообщества в городе с самой большой в КНР диаспорой выходцев из стран этого континента.

В первом параграфе **«Складывание анклава и этнический состав африканского сообщества Гуанчжоу»** анализируются причины превращения этого города в центр африканской посреднической торговли и особенности сложившегося в нем многонационального сообщества. В результате азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. рынки развитых государств Юго-Восточной Азии стали испытывать затруднения в своей деятельности. Поэтому центр деловой активности региона переместился в КНР, в пространство дельты Жемчужной реки, где расположен Гуанчжоу. В Китае в это время происходили экономические реформы, страна была заинтересована в инвестициях и кадрах для торгово-экономической деятельности. Поэтому в КНР быстро были созданы условия для привлечения в страну иностранных предпринимателей. Благоприятным фактором для превращения дельты Жемчужной реки в крупнейшую площадку международной торговли явилась территориальная близость к ней важнейшего мирового рынка – Гонконга, – который вошел в состав Китая. Начавшееся тогда же экономическое проникновение Китая в Африку обусловило обратный процесс – формирование в КНР сообщества африканских предпринимателей. Это сообщество не было единым, представители разных стран континента осваивали разные сектора международной торговли.

Во втором параграфе **«Африканское бизнес-сообщество Гуанчжоу»** разбираются особенности функционирования этой специфической среды. Африканские предприниматели Гуанчжоу, разделенные на группы в соответствии с их страновой принадлежностью, имели четкие иерархические организации. Руководящие позиции в них занимали лица, получившие высшее образование в КНР и владевшие китайским языком. Они определяли стратегии экономической деятельности в соответствии с рыночной конъюнктурой своих

государств и договаривались с китайскими производителями. Основную массу африканских предпринимателей составляли своего рода подчиненные таких руководителей, занимавшиеся мелкооптовой челночной торговлей и выполнявшие различные обеспечивавшие функции по организации торговых поставок из КНР в африканские страны. Данная система возникла благодаря тому, что в конце XX в. китайские производители наладили колоссальные объемы выпуска контрафактной продукции, которая по своей цене была доступна для массового потребителя в африканских государствах. Для поставок этой продукции и сложилась торговая площадка в Гуанчжоу. Однако после вхождения КНР в ВТО выпуск контрафакта стал резко сокращаться, и торговые цепочки из Гуанчжоу в страны Африки начали стремительно утрачивать свою рентабельность.

Третья глава «Восприятие африканских мигрантов гражданами КНР» посвящена оценкам и мнениям, которые сложились в среде местных жителей Китая в отношении предпринимателей, прибывших из стран этого континента, их динамике на протяжении 2000–2010-х гг.

В первом параграфе «Антиафриканские настроения в китайском обществе» рассматриваются причины появления недоброжелательных мнений в адрес переселенцев из Африки. Здесь в основном приводятся суждения самих африканцев. По их мнению, местные жители не испытывают симпатии к мигрантам в силу существующих между ними колоссальных социокультурных различий. Африканцы, по их словам, испытывают трудности при общении с китайцами из-за замкнутости и меркантильности последних, по причине отсутствия у местных жителей потенциала креативности, вследствие чего, как считают приехавшие в Гуанчжоу предприниматели, с гражданами КНР не получается выстраивать действенное сотрудничество. Сами местные жители придерживаются другого мнения. Они считают, что африканцы ведут себя вызывающим образом, нарушают принятые в китайском обществе нормы. Вместе с тем у китайцев имеются опасения, что африканцы со временем составят им конкуренцию в их профессиональной деятельности, связанной не

только с торговлей. Таким образом, обе стороны испытывают настороженное отношение друг к другу. Примеры сотрудничества между ними крайне малочисленны, несмотря на официальную установку правительства КНР укреплять контакты со странами Африки и создавать благоприятные условия для приезжающих оттуда работников.

Второй параграф «Восприятие африканских мигрантов в блогосфере и социальных сетях КНР» посвящен взгляду на взаимоотношения между прибывшими в страну предпринимателями и коренными жителями Китая. Поскольку официальная пропаганда настроена на трансляцию исключительно позитивных мнений африканцев и китайцев друг о друге и в стране существует цензура, не допускающая появления в публичном пространстве иных суждений, общественность КНР выражает свои подлинные взгляды в блогосфере и социальных сетях, используя для этого псевдонимы. Анализ четырех популярных социальных сетей Китая показывает, что в них выражаются преимущественно неблагоприятные мнения в адрес африканцев, которые отличаются лишь по степени своей радикальности – от экзальтированных оскорбительных лозунгов до взвешенных критических замечаний. Граждане КНР обвиняют африканцев в вызывающем поведении, в том числе в отношении китайцев, высказывают опасения, что при сохранении мигрантских анклавов страна может утратить свою идентичность. При анализе данных высказываний необходимо делать поправку на присущие социальным сетям дискурсивные приемы, которые предполагают общение на высоком эмоциональном градусе. Но даже с учетом такой поправки очевидно, что данная тема волнует китайское общество.

В третьем параграфе «Опыт позитивного сотрудничества китайских властей и общественных организаций с африканскими мигрантами» суммируются данные о примерах позитивного отношения граждан КНР к африканцам. Эти примеры относятся к инициативам, реализуемым как государственными, так и общественными структурами. Государственные органы организуют появление соответствующих фильмов и рекламируют их,

проводят мероприятия, демонстрирующие взаимную расположенность друг к другу китайцев и африканцев. Общественные организации, действующие на местном уровне в Гуанчжоу, практически помогают переселенцам осваивать китайский язык, оказывают им содействие в получении необходимой социальной поддержки. Это касается особенно социально незащищенных предпринимателей, которые не имеют собственного бизнеса и работают в подчинении у руководителей страновых сообществ. Вместе с тем на данный момент сложно оценить, насколько такие практики оказываются эффективными в деле налаживания диалога между китайцами и африканцами. Популярность медийных кампаний в китайском обществе не означает автоматического изменения отношения к мигрантам, равно как и помощь последним со стороны общественных структур не приводит к моментальному росту доверия приехавших в страну к ее местным жителям. Поэтому проблема во взаимоотношениях между ними остается напряженной.

В заключении содержатся выводы и результаты исследования.

Пребывание африканцев в Китае на протяжении многих веков оставалось единичным или сводилось к группам небольшой численности. В отношении большинства прибывших нельзя с уверенностью констатировать, что они являлись переселенцами из Африки, а не аборигенами островов Океании, поскольку в источниках фиксируются антропологические признаки, которые вполне могут относиться как к африканскому населению южнее Сахары, так и к автохтонным жителям территорий в западной и юго-западной частях Тихого океана. Основным способом попадания африканцев в Китай было обращение их в рабство с последующей доставкой в страну в качестве несвободных (в дифференцированной степени) людей. Переселенцы из Африки выполняли разные функции – от домашней прислуги до воинов, участвовавших в боевых действиях в составе армий китайских правителей и вооруженных соединений представителей китайской знати. В КНР во второй половине XX в. молодежь, приезжавшая на учебу в страну, стала самой массовой частью африканских мигрантов.

Несмотря на некоторые послабления после провозглашения в 1978 г. «политики реформ и открытости», проблема регулирования въезда в страну и выезда из нее на протяжении изучаемого периода оставалась для китайского руководства неоднозначной. С одной стороны, происходило упрощение визовых правил, что привело к массовому притоку переселенцев из Африки, занявшихся трансконтинентальной торговлей. Появилась разветвленная система виз, которые были адресованы разным группам иммигрантов. Дети от смешанных браков граждан Китая и иностранцев получили возможность становиться гражданами КНР. С другой стороны, новые законоположения усилили избирательность миграционной политики страны. Это выразилось в создании условий для привлечения высококлассных специалистов, к которым в массе своей не относились африканские мигранты, занимавшиеся преимущественно посреднической торговлей. Одновременно с этим стала ужесточаться политика в отношении нарушителей визового законодательства.

Местом наиболее крупного сосредоточения африканских мигрантов в КНР стал г. Гуанчжоу. Этому способствовало его местоположение – в дельте Жемчужной реки, ставшей пространством многочисленных торговых площадок, на которых осуществлялась внешнеэкономическая деятельность КНР, и вблизи от Гонконга с его рыночными традициями. Превращению данной территории в крупный центр международной торговли способствовал и азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., в результате которого пострадала экономика интенсивно развивавшихся государств Юго-Восточной Азии, вследствие чего деловая активность переместилась в соседний Китай. В городском ландшафте Гуанчжоу сложились определенные ареалы расселения африканских торговцев в соответствии с их этнической принадлежностью и торговой специализацией. Предпринимательское сообщество Гуанчжоу разделилось на страновые группы, слабо связанные между собой и не воспринимавшие себя как единое целое.

Африканские мигранты в Гуанчжоу создали свои неформальные организационные структуры, которые помогали им удерживать определенные

ниши рынка. Эти структуры выстраивались по иерархическому принципу. Их возглавили наиболее опытные переселенцы, прожившие в стране длительное время, знавшие китайский язык и имевшие образование – как правило, высшее, в том числе полученное в КНР. Такие руководители управляли гораздо менее квалифицированными мигрантами. В силу того, что КНР после вступления в ВТО перестала производить контрафактную продукцию и подделки мировых брендов, а также вследствие появления крупных торговых китайских интернет-площадок наподобие Alibaba в 2010-х гг. посреднический африканский бизнес в Гуанчжоу стал испытывать трудности. Осложнения для сообщества предпринимателей из стран Африки усугублялись и вследствие ужесточения преследований нарушителей «принципа “трех не”». Все эти обстоятельства привели к кризису мигрантской торговой сети в Гуанчжоу.

С самого начала массового появления в КНР африканских мигрантов между ними и местными жителями обозначились определенные сложности во взаимоотношениях. Китайцы продолжали следовать поведенческим установкам, сложившимся еще в глубокой древности и заключавшимся в жестко нормированном самоконтроле. Африканцы, напротив, в массе своей вели себя предельно раскованно. Из-за этого у местных жителей возникало ощущение, что приезжие демонстрируют нарочито пренебрежительное отношение к правилам, принятым в Китае. По мере увеличения численности африканских мигрантов подобные настроения граждан КНР усиливались. Они отражались в постах в личных блогах и в социальных сетях китайцев. В последние годы в китайском обществе набирает силу и противоположная позиция, предполагающая оказание помощи африканским мигрантам и их встраиванию в действительность КНР. Правда, такая позиция не разделяется большинством китайского общества.

III. Основные научные публикации по теме диссертационного исследования

Объем публикаций автора – 4,7 печатных листа, из них 4,4 печатных листа – в изданиях, рекомендуемых для опубликования основных научных

результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Статьи в изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук:

1. *Андреев Н.Д.* Африканская диаспора в Китае: меняющаяся идентичность в меняющемся мире // Азия и Африка сегодня. 2020. № 10. С. 78–80.

2. *Андреев Н.Д.* Мигрантский дискурс в современной гуманитарной мысли как методологический подход исторического исследования // Вопросы истории. 2020. № 12 (1). С. 71–83.

3. *Андреев Н.Д.* Восприятие африканских мигрантов в китайских блогах на фоне пандемии коронавируса // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 2. С. 140–156.

4. *Андреев Н.Д.* Образы африканских мигрантов в современных китайских социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. № 4. С. 107–123.

5. *Андреев Н.Д.* Иммиграционная политика КНР в прошлом и настоящем (обзор современной китайской историографии) // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2023. Вып. 115. С. 142–157.

Статья в сборнике научных трудов:

6. *Андреев Н.Д.* Африканская диаспора в Гуанчжоу: проблемы постковидной реальности // Научные исследования современных проблем развития России: тенденции развития в условиях неопределенности: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции молодых ученых Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Санкт-Петербург, 16 мая 2023 года. СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2024. С. 142–145.